

ОБ ОЦЕНОЧНЫХ СУФФИКСАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

© 2018 г. В. З. Санников

Доктор филологических наук
Россия, 119421, г. Москва, ул. Новаторов, д. 36-1-397
san@ruslang.ru

Дата поступления материала в редакцию 12 мая 2018 г.

TO EVALUATIVE SUFFIXES OF THE RUSSIAN LANGUAGE

© 2018 Vladimir Z. Sannikov

Doctor of Philological Sciences
36-1-397, Novatorov str., Moscow, 119421, Russia
san@ruslang.ru

Received by Editor on May 12, 2018.

В работе рассматривается семантика и прагматика оценочных (уменьшительных и увеличительных) суффиксов в разных жанрах русского языка и в фольклоре.

The paper deals with semantics and pragmatics of evaluative suffixes, both diminutive and augmentative, in different Russian-language genres and in folklore.

Ключевые слова: оценка, уменьшительные и увеличительные суффиксы, существительные, прилагательные, наречия, семантика, прагматика, жанры русского языка, фольклор.

Key words: evaluation, diminutive and augmentative suffixes, nouns, adjectives, adverbs, semantics, pragmatics, genres of Russian language, folklore.

DOI: 10.31857/S241377150002546-3

ВВЕДЕНИЕ

Русское словообразование не обойдено вниманием исследователей ([1], [2], [3],[4],[5] и другие работы).

В работах В.В. Лопатина содержится тщательное исследование словообразования русских существительных, прилагательных, наречий. Предлагается исчерпывающе полный перечень суффиксов, детально анализируется их звуковой состав. Менее подробно анализируется значение суффиксальных образований, связь многозначности и словообразования. Именно эти вопросы рассматриваются в данной работе – на материале недостаточно изученного типа суффиксальных образований – слов с оценочными суффиксами.

В [3] и [4] используются термины “субъективно-оценочные значения”, “суффиксы субъективной оценки”. Известно, однако, что оценка всегда субъективна. Н.Д. Арутюнова писала: «Для того, чтобы оценить объект, человек должен “пропустить” его через себя: природа оценки отвечает природе человека» [6, с. 180–181]. Даже вкусовые оценки (*вкусный-невкусный*) или этические оценки (типа *добрый-злой*) субъективны и могут быть сменены на прямо противоположные. Так, словом *добренький* Ленин и его сподвижники с безгласивой презрительностью клеймили “слонтяев”, нарушающих закон революционной непримиримости.

Поскольку оценка всегда субъективна, в терминах это определение представляется избыточным: в данной работе используется термин “оценочные суффиксы”.

При описании значения суффиксов, включая прагматическую зону толкований, мы существенно опираемся на исследования Ю.Д. Апресяна [7], [8], где содержится глубокая теоретическая разработка этих вопросов.

Материал для статьи почерпнут в основном из академических грамматик [3], [4], [9] и словарей [5], [10]¹.

* * *

1. ДВЕ ГРУППЫ ОЦЕНОЧНЫХ СУФФИКСОВ

1.1. В основном своем значении оценочные суффиксы – антонимы: *дом-ик* ('маленький дом') – *дом-ище* ('большой дом') и традиционно делятся на две группы – уменьшительные и увеличительные. Принимаем это разделение, хотя оно достаточно условно. Анна Вежбицка справедливо отмечает, что даже в рамках одного языка за каждым из ярлыков – 'уменьшительный' или 'увеличительный', "скрывается широкий спектр различных функций" [11, с. 89]. В русском языке среди слов с суффиксами, которые считаются уменьшительными или увеличительными, немало таких, где нет ни того, ни другого признака, а есть смысловые компоненты **ласкательности, одобрения (чайк, хозяйюшка, трудяга), уничижительности, пренебрежения, осуждения (бабёнка, умишко, забулдыга)** и т.п. Тем не менее, Вежбицка полагает, что ярлыки 'уменьшительный', 'увеличительный' "полезны в качестве указателей на определенные области значений" [11, с. 89]. Есть, однако, и другие, более веские основания для выделения этих двух групп суффиксов. Вот некоторые из них.

1) Каждая из двух групп имеет свой набор суффиксов.

Любопытно, что почти все уменьшительные суффиксы включают элемент **-к-**. И не только в существительных (*двер-к-а, глаз-ок, руч-еньк-а, паль-чик, вороб-ушек, дом-ишк-о, дур-очк-а, шуб-ейк-а*), но и в прилагательных (*плох-оньк-ий, толст-еньк-ий, пьян-ёшенек*), и в наречиях (*тих-оньк-о, ран-ёхонько, ряд-ком*).

¹ Приношу глубокую благодарность Светлане Кузьминой, Оле, Андрею и Ирине Санниковым – моим постоянным информантам и помощникам. Особенно многим я обязан Леониду Петровичу Крысину. Его дружеское участие и чрезвычайно ценные замечания и дополнения очень помогли мне при работе над данной статьей (и не только над ней). Постоянную помощь в моих сложных и запутанных отношениях с компьютером мне оказывал сын Андрей Санников.

Основные увеличительные суффиксы: **-аг-** (**-яг-, -ак-, -як-**): *молодч-аг-а, кон-яг-а*; **-ищ-** (*руч-ищ-а*), **-ин-** (*дом-ин-а, рыб-ин-а*), **-уг-** (**-юг-**): *реч-уг-а, шофер-юг-а*; **-енн-** (*высоч-енн-ый*); **-аст-** (*груд-аст-ая*), **-ат-** (*пуз-ат-ый*).

2) Существенно, что в каждой из двух групп разные значения передаются одними и теми же основными суффиксами. Так, уменьшительный суффикс **-ышк-** (**-ишк-**) может передавать собственно уменьшительное значение (*пятнышко*), ласкательное (*горлышко, братишка*), пренебрежительно-уничижительное (*старичишка, аристократишка*). Увеличительный суффикс **-ищ-** имеет увеличительное значение (*веслище*), ласкательное (*дружище*), осуждающее (*табачище, сборище*).

3) В каждой из двух групп, даже там, где нет ни уменьшительности, ни увеличительности, всё-таки сохраняется их тень. Она проявляется в сочетаемостных свойствах слова, не позволяет сказать ***маленький** *ворюга (дружище, пьянчуга)* и ***высоченный** *воришка (дружок, пьянчужка)*.

1.2. Как уменьшительные, так и увеличительные суффиксы омоморфемны: многие слова с этими суффиксами нейтральны, не имеют оценочного значения: *загад-к-а, пев-ищ-а, ход-ул-и; голен-ищ-е, дол-ин-а, зимов-ищ-е*.

Отсюда нередкое у детей ошибочное понимание суффикса **-к-** как обозначения уменьшительности (и только уменьшительности) и стремление убрать его там, где ее нет. Пятилетняя Соня С. говорила: *птичка, дверка*, но: *шиша* (шишка), *круга* (кружка), *игруха* (игрушка), *русáла* (русалка). Видимо, многие дети проходят эту стадию. Вот и Корней Чуковский приводит подобные образования: *лога* (ложка), *подуха* (подушка). Он пишет также о девочке, которая считала, что суффикс **-к-** придает словам обидный, уничижительный смысл (по аналогии с *Манькой, Павлушкой*) и говорила: *ботины* (ботинки), *верёва* (верёвка), *коша* (Она *коша*, потому что хорошая, а когда она будет плохая, я назову её *кошка*) [12, с. 34].

Да и взрослые иногда видят уменьшительность там, где ее нет. Вспомним слово *зонт*, которое было заимствовано из нидерландского *zonne-dek* ("покрывало от солнца") и первоначальный его вид – *зонтик*. Однако в дальнейшем оно стало пониматься как слово с уменьшительным суффиксом **-ик-** и по схеме *бантик* – *бант* было образовано слово *зонт* (*зонтик* > *зонт*).

Иногда говорящие **делают вид**, что понимают некоторые слова как содержащие уменьшительные суффиксы. Так, певица Алла Пугачева остроумно

сказала о сатире Михаила Жванецком: *Какой же он сатирик? Он сатур, сатирище!*

* * *

Ниже будут рассмотрены значение и употребление оценочных суффиксов в существительных (разд. 2–3), прилагательных – (4), наречиях и предикативах – (5). В разделе 6 рассматриваются словообразовательные связи слов с оценочными суффиксами, в разделе 7 – особенности их значения и употребления в народно-поэтическом стиле речи.

2. УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

2.1. Анна Вежбицка к числу языковых черт, раскрывающих русский национальный характер, относит исключительное богатство уменьшительных форм, являющееся проявлением весьма высокой эмоциональной температуры русской речи. «Кажется, что они встречаются в речи “на каждом шагу”» [11, с. 50].

Неудивительно, что при высокой эмоциональности русской речи уменьшительные суффиксы – большая семья. Исчерпывающе полный перечень дается в [3], [4], [5]. Изобилие суффиксов и сложные правила их употребления иногда вызывают затруднения, особенно у детей. Помню, в военные годы на уроке русского языка учитель дал нам два списка: слова и уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые надо подставить в эти слова, и эвакуированная из Киева девочка произвольно спаривает основы с суффиксами и звонким голосом зачитывает список слов-монстров: *Иванчик, стаканушка...*

2.2. Уменьшительные суффиксы часты в быденной речи и были бы смешны в речи официальной. Особенно часто уменьшительные суффиксы встречаются в разговоре с детьми. *Давай-ка вытрем слюнки, сопельки. Посмотри, какой красивый цветочек* – скажем ребёнку, но не взрослому и даже не подростку.

В разговоре взрослых о детях подобное сюсюканье может даже раздражать. В повести Владимира Набокова “Подвиг” героиня Софья Дмитриевна «не терпела уменьшительных <...> и сердилась, когда муж говаривал: “У мальчугана опять кашелек, посмотрим, нет ли **температурки**”». В разговоре взрослых сюсюканье возможно разве что в разговоре влюбленных. Да и тут есть опасность попасть на зубок насмешнику вроде Николая Васильевича Гоголя,

подсмотревшему, что в семье Манилова «каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек, и говорил трогательно-нежным голосом: “Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек”».

Интересно, что уменьшительно-ласкательные суффиксы взял на вооружение жизненно важный профессиональный жаргон – жаргон медицинских работников. Они относятся к больным, как к детям. Речь медиков изобилует уменьшительно-ласкательными суффиксами. Врач-невролог спрашивал меня: – *И часто у вас бывает такая **тревожка** (чувство тревоги)?* Здоровенному детине маленькая медсестричка говорит: – *Ляжем на левый бочок, подождем ножки. Будем клизмочку ставить.*

2.3. Традиционно выделяются четыре значения уменьшительных суффиксов:

1) Уменьшительное: *дверка, дубок, озерцо, ручеёк, столбик, столик.*

Уменьшительные суффиксы различаются степенью выражения уменьшительности: *-ечк-* говорящие ощущают как более сильный, чем *-к-*. Ср.: *Залезál Зародыш в фонарик, дул в огонек. И огонек становился огонечком с ноготок Зайкин* (А. Ремизов. Писолонь).

2) Ласкательное: *воробушек, морюшко, Нинуля, ночка, свадебка, солнышко, хозяйюшка, чаёк, черничка.*

Как видно из приведённых примеров, обычно эти слова образованы от слов положительно окрашенных и усиливают эту окраску. Исключения редки: дружеское обращение типа *чёртушка* (от слова *чёрт*), снисходительно-насмешливое *плутишка*, слова типа *горюшко* в народно-поэтической речи (см. о ней в разд. 7).

Наблюдается градация суффиксов по силе выражаемых положительных эмоций: к *заиньке, зайушке* мы относимся ласковее, чем к *зайке, зайчику*. Вот пример обыгрывания этого явления:

Женился вдовец на вдове. Оба имели детей. Потом у них родилось двое общих. Однажды в доме возник страшный шум.

– *Жена, что там происходит?*

– *А то, что твои дети и мои детки бьют наших деточек!..*

3) Уменьшительно-ласкательное: *берёзка, игрушечка, кисонька, птичка, ребёночек.*

Суффиксам *-ок-, -ик-, -чик-, -ишек-* (*-ышек-*) грамматика [9] приписывает “уменьшительное значение, обычно сопровождающееся экспрессией ласкательности, реже уничижительности (*типчик, хозяйчик*)” (с. 129–130). Суффикс *-очк-* определяется там как *уменьшительно-ласкательный* в отличие от ла-

скательного суффикса *-еньк-* (*-оньк-*) [с. 267, 269]. В подтверждение этого Анна Вежбицка указывает недопустимость этого суффикса при обозначении уникальных явлений: *бож-еньк-а*, *зор-еньк-а*, но не: **бож-ечк-а*, **зор-ечк-а* (здесь указание на размер было бы неуместно) [11, с. 121–122].

Интересна полемика Вежбицкой с Б. Братусом по поводу русского суффикса *-ик-*. Братус считает, что в слове *билетик* суффикс добавляет к уменьшительности эмоциональный оттенок ‘Будьте добры, купите...’. Вежбицка определяет значение суффикса иначе: *купите билетик!* = я хочу, чтобы вы сделали нечто “маленькое” (незначительное) (купили билет) (см. [11, с. 124]). Мне представляется предпочтительной оценка Б. Братуса: суффикс *-ик-* привносит оттенок *просьбы* (продавцу желательно побольше продать), тогда как контролёр, говоря о той же самой маленькой бумажке, скажет: “Предъявите проездные билеты!” (не: *билетики!*). Там – просьба, здесь – требование, и суффикс *-ик-* здесь неуместен.

4) Уничжительное: *бабёнка*, *барахлишко*, *дровишки*, *киношка*, *компанийка*.

Говорящий считает описываемое чем-то совершенно не примечательным. Если речь идет об абстрактных понятиях или о занятиях человека, возникает смысл: ‘не заслуживающий серьезного внимания или уважения’: *аристократишка*, *идейка*, *торговлишка*, *умишко*.

Там, где затрагивается нечто общепризнанно ценное, подобное пренебрежение выглядит несколько искусственным, напускным: *золотишко*, *деньжонки*, *тысчёнка*.

Можно отметить еще одно значение уменьшительных суффиксов – **уменьшительно-уничжительное**: *избёнка*, *комнатушка*, *старикашка*, *усишки*. Ср. оценочные обозначения бороды: *боро-д-ка* (уменьшительное), *бород-ушк-а* (ласкательное), *бород-ёнк-а* (уменьшительно-уничжительное), *бород-иц-а* (увеличительное).

2.4. Ю.Д. Апресян следующим образом определяет соотношение двух традиционно выделяемых значений русских диминутивных (уменьшительных) суффиксов: “Если производящая основа обозначает неуникальный предмет, то производное слово с диминутивом всегда может иметь уменьшительное значение; ср. *балкончик*, *домик*, *домишко*, *лужица*, *ножка*, *пятнышко*, *сеточка*, *столик*, *шарик* и т.п. Если же производящая основа обозначает вещество (*вода*, *каша*, *молоко*, *сахар*, *соль*) или уникальный предмет (*солнце*), уменьшительная интерпретация при формально диминутивном суффиксе исключается <...>

Существительные ... приобретают постоянную прагматическую составляющую – указание на то, что говорящий испытывает положительные эмоции, когда думает о каком-то предмете или – в связи с этим предметом – о своем адресате. Действительно, когда мы говорим *Выпей молочка*, *Съешь кашики*, мы испытываем (или выражаем) положительные эмоции не столько по отношению к пищевым продуктам, сколько по отношению к своему адресату” [8, с. 145–146].

2.5. В особом рассмотрении нуждаются названия параметров и абстрактных понятий.

Названия параметров не допускают оценочных суффиксов: **длиночка*, **длинища*, **толицинка*, **толцинища*. Исключение: *высоцища*.

При существительных, обозначающих абстрактные понятия, оценочные суффиксы обычно недопустимы (**добрецо*, **добротища*, **злишко*, **красотишка*, **правдочка*, **правдёнка*), а в тех редких случаях, когда они употребляются, они, в отличие от слов, обозначающих вещество, которые выражают положительные эмоции (*Выпей молочка*, *Съешь кашики*), напротив, выражают отрицательные эмоции – уничижительность, пренебрежение: *Тут мне одна мыслишка в голову пришла*. Подобные слова нередко имеют иронический смысл и используются в языковой игре.

2.6. Е.В. Падучева писала, что языковая игра – “источник полезных и убедительных иллюстраций” к некоторым положениям лингвистики. Важнее другое. Работая над книгой о русской языковой игре [13], я постоянно убеждался, что изучение этого “несерьезного” материала позволяет заметить что-то, что могло бы остаться незамеченным. Нарушение нормы позволяет четче ее очертить. Именно тогда я впервые обратил внимание на некоторые особенности использования оценочных суффиксов в русском языке. Приведём примеры обыгрывания суффиксальных существительных, обозначающих абстрактные понятия:

Проекты; средствиче; *Как работает его* [чиновника] *миниатюрное воображеньице*, *как трудится его крохотная мысль*, *придумывая <...> каждое выраженьице замысловатого отношеньица* (М. Салтыков-Щедрин).

У них ни патриотизма, ни любви к литературе, а одно самолюбьишко (А.Чехов – А.Н.Плещееву, 25 окт. 1888).

... как-то болезненно воспринималось сочетание... ума с дворянскими предрассудками, бытика с бреди-ком (А. Белый. Начало века).

Нет, / не навязжусь в меланхолишке черной (В. Маяковский. Юбилейное).

– *Вот как мы тут славно шуткуем ... и все в рамках дозволенного, все в границах допустимого* (Т. Толстая. Сомнамбула в тумане).

Рассмотрим другие ограничения на употребление оценочных суффиксов.

2.7. Использование уменьшительных суффиксов связано с социальным статусом говорящих и описываемых лиц. «Термином “социальный статус” обозначается соотносительная (по оси “выше – ниже”) позиция в социальной системе» [15, с. 425].

Употребление оценочных суффиксов затруднительно по отношению к **должностным лицам**. Ср.: **В приёмную вошел невысокий секретарёк (*здоровенный секретарище); *К столику подошел официантик*. Нейтральным было бы добавление прилагательных с оценочными суффиксами: *В приёмную вошел низенький секретарь*.

В редких случаях употребления оценочных суффиксов при обозначении должностных лиц неизменно возникает отрицательная оценка описываемого лица:

Эх, начальнички наши, начальнички, / соль и гордость советской земли (А. Галич).

Яркий пример влияния на речь социального статуса – учёт строгой военной субординации. Чем выше чин, тем неуместнее уменьшительность. Можно сказать: *В комнату вошел какой-то солдатик, матросик, сержантик, лейтенантик*, но не: *капитанчик, майорик* и, тем более, не *полковничек, генеральчик, маршалок*. В увеличительных суффиксах – картина иная (см. разд. 3).

Ограничения на обозначение должностных лиц и профессий, рода занятий смело нарушаются в случае языковой игры.

Шалунёнок, поэты и поэтики (М. Салтыков-Щедрин); *Это – службишка, не служба* (П. Ершов. Конёк-горбунок); *адвокатишка был дрянной* (Л. Толстой); ... *протопопик нового сознания, Мережковский* (А. Белый. Между двух революций); *Футуристик* (В. Маяковский); Бургомистр [взрослому сыну Генриху]: *Ах ты мой шпиончик... Карьерочку делаешь, крошка!* (Е. Шварц. Дракон).

2.8. К числу существительных, не допускающих ни уменьшительных, ни увеличительных суффиксов, относятся **имена исторических лиц, названия стран, городов, рек**. Имена небольших стран не допускают даже уменьшительных суффиксов (**Андоррочка, *Ватиканчик*), а с именами больших стран недопустимы не только уменьшительные, но и увеличительные суффиксы (**Германийка, *Германища, *Китаище, *Японища*). Это касается также названий **городов** (**Парижик, *Парижище, *Мо-*

сквища), **рек, озёр** (**Амурище, *Байкалище, *Волгушка, *Волгища, *Енисеище*). Недопустимы они при обозначении **времен года** (**осенища*), **месяцев** (**декабрище*) и т. д. Во всех подобных случаях оценка требует для своего выражения добавочных слов: *Необъятная Россия, крошечная Андорра, Амур-батюшка, Волга-матушка, бескрайний Север, нескончаемая осень*.

И снова тот же нарушитель запрета – юмор, сатира: – *Да-а. Узнает теперь этот Константинополишка Николая Сырцова! Ей-бо, право!* (А. Аверченко. Аргонавты и Золотое руно).

Мережковский, Д.С. – Аввакумик, в салоне своем вопиющий (А. Белый. Начало века).

Аномальность (и комический эффект) усиливаются при сочетании уменьшительных суффиксов с именами иностранцев и с не совсем освоенными иноязычными словами:

Услужи, фреринька, мне, собери все наши модные слова и напечатай их (Д. Фонвизин. Письма щеголихи к издателю “Живописца”).

... *спрашивали, нет ли Поль-де-Кокца в переводе почитать* [вм. *Поль-де-Кока*] (М. Салтыков-Щедрин).

А мы к вам, шарманочка! – продребезжал генерал, довольный тем, что сумел по-своему переделать слово “charmante” (А. Чехов. Герой-барыня).

Ну, француз, конечно, речь говорит... на скорую руку спичишко (М. Булгаков. Театральный роман).

Всё у них о'кэйчик, живут припеваючи (Т. Толстая. Чистый лист).

2.9. Словообразовательная активность заимствованных слов, естественно, ниже, чем активность слов своего языка и растёт по мере их освоения. Л.П. Крысин отмечает, что эта активность существенно меньше у несклоняемых существительных и неизменяемых прилагательных, но и здесь «многое зависит от употребительности слова. Так, например, от слова *манто* производные не образуются (во всяком случае, они не зафиксированы в словарях), а морфологически и акцентно сходное с ним *пальто* “обросло” словообразовательными дериватами типа *пальтишко, пальтецо, пальтовый* <...> слово *кофе* имеет такие производные, как *кофеёк, кофейня, кофейный, кофейник*, а слово того же тематического ряда и также несклоняемое <...> *какао* производных не образует» [15, с. 52].

Оценочные суффиксы особенно чувствительны к признаку “своё-чужое”. Кроме отмеченных Л.П. Крысиным слов, я нашел в словаре [10] толь-

ко одно производное от неизменяемого слова – *киношка*. К этому можно добавить разговорные слова *доминошка* (фишка при игре в домино), *кафешка*, *фотка* ‘фотокарточка’ да шуточные переделки типа: [Ноздрев]: – Да, Чичиков, уж ты не противься, одну **безешку** позволь напечатать тебе в белоснежную щеку твою! (Н. Гоголь. Мертвые души).

2.10. И уменьшительные, и увеличительные суффиксы широко использовались и в Древней Руси – как в разговорной, так и в письменной речи, даже канцелярской.

Иногда это свержежливость, нередко сочетающаяся с самоуничижением, иногда уничижение, пренебрежительность:

[Начало письма Петра I матери]: **Вселюбезнейшей** и паче живота телесного **дражайшей** матушке царице Наталье Кирилловне, недостойный **сынишка** твой **Петрунька**, в работе пребывающий, – **благословения прошу** (А. Толстой. Петр I).

Бедной, бедной царишко! Что ты над собою сделал?; Глуп ведь я гораздо. Так, человеченко ничему негодной (“Житие протопопы Аввакума”).

А Епифашка Артамошку за спину зубом ел (“Допросные листы” XVII века).

Д.С. Лихачев отмечает частое использование уменьшительных суффиксов у Ивана Грозного с его склонностью к актерству и скоморошеству, к уничижительным самоназваниям. «В письме к своей марионетке Симеону Бекбулатовичу он пишет: “государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси **Иванец Васильев со своими детишками с Иванцом и с Федорцом, челом бьют...**”» [16].

3. УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

3.1. Существительные с этими суффиксами называют на очень большие размеры предмета (*домина*, *домище*, *лужица*, *собачица*) или на интенсивность признака (*жарица*, *теснотица*, *холодина*). В отличие от уменьшительных, увеличительные суффиксы не способны передавать эмоции: оценка – **отрицательная** (*банд-юга*, *пьянч-уга*, *хап-уга*, *холод-ина*) или **положительная** (*друж-ище*, *молодч-ага*, *работ-яга*) – передается основой слова.

При поразившем Анну Вежбицку исключительном богатстве уменьшительных форм [11], увеличительные формы занимают в русской речи довольно скромное место. Они свойственны просторечию и разговорной речи и, в отличие от уменьшительных,

немногочисленны: **-ищ-** (*руч-ищ-а*, *человеч-ищ-е*), **ин-** (*дом-ин-а*, *рыб-ин-а*), **-уг-** (**-юг-**): *реч-уг-а*, *жадн-юг-а*, *шофер-юг-а*; **-аг-** (**-яг-**, **-ак-**, **-як-**): *молодч-аг-а*, *кон-яг-а*, *труд-яг-а*, *пис-ак-а*, *черт-як-а* – вот пожалуй и всё.

3.2. Значительно уже, по сравнению с уменьшительными, и сам круг слов, допускающих увеличительные суффиксы.

Возьмём приводимые Ю.Д. Апресяном [8, с. 145] слова с уменьшительным значением, обозначающие неуникальный предмет, и попытаемся их трансформировать в слова с увеличительным значением.

Иногда это удаётся: *балкончик* > *балконище*; *домик* (*домишко*) > *домище* (*домина*); *ножка* > *ножища* и т.д.; – чаще нет: *пятнышко* > ?*пятныще*; *сеточка* > ?*сетища*; *шарик* > ?*шарище* и т.д.

Рассмотрим некоторые ограничения на употребление увеличительных суффиксов существительных в русском языке.

3.3. Среди производных слов – названия частей тела, предметов, природных явлений: *голосина*, *лапица*, *ручица*, *мостица*, *дождина*, *дымина*, *жарица*, *сугробище*, *холодина*. Однако с названиями растений увеличительные суффиксы, в отличие от уменьшительных, сочетаются неохотно, ср. ?*берёзица*, ?*репёище*, ?*рябиница*, ?*соснища*. Даже про могучий дуб вряд ли скажем: ?*дубище* (существует слово *дубина*, но оно имеет другое значение).

С животными – иначе. Многие слова допускают увеличительное значение: *бычище*, *волчище*, *медведище*, *рыбина*, *собачица*, *тюленище*, но – не слова, обозначающие мелких животных (не: *заяище, *кротыище, *лисица, *сорочица).

3.4. Строже запреты на употребление увеличительных суффиксов при обозначении людей. Здесь немало слов с увеличительным значением: *вражина*, *детина*, *казачина*, *мужичина*, *мужичище*, *образина*, *парнище*, *уродина* и т.д., но существуют и ограничения, в частности при обозначении профессий и должностных лиц: *деканище, *нянища, *профессорище, *слесарище, *учителище и т.д. Заметим, что *генералище* несколько лучше, чем *солдатище* (учитывается высокий социальный статус?). Немало и загадок: почему *поварюга*, *слесарюга* – плохо, а *шоферюга* – допустимо?

Интересны образования с суффиксом **-ищ-** от имен собственных при шуточном обращении к детям (“*Пора в школу, Андреище страшное!*”) или в разговорах детей, где содержится отрицательная оценка адресата: *Она встала на цыпочки и своим большим ртом стала поедать вторую пастилку... Я говорю: – Если*

ты, *Лёлища*, съела вторую пастилку, то я еще раз откушу это яблоко (М. Зощенко. Лёля и Минька).

Запреты давно замечены и взяты на вооружение юмористами и сатириками.

Ср.: *шалунище; болтунище* (М. Салтыков-Щедрин); *Ну, будьте живеньки, здоровеньки, актрисища лютая* (Письмо А. Чехова О.Л. Книппер).

3.5. В особом рассмотрении нуждаются случаи, когда производящая основа обозначает **вещество** (*вода, каша, молоко, сахар, соль*).

Выше уже отмечалось, что в словах *водичка, кáшища* и т.п. **уменьшительная** интерпретация заменяется указанием на то, что говорящий “испытывает положительные эмоции, когда думает о каком-то предмете или – в связи с этим предметом – о своем адресате” [8, с. 146]. Что касается **увеличительных** суффиксов, то они, как отмечалось выше, не способны передавать эмоции: оценка – **отрицательная** (*жадн-юга, урод-ина, холод-ина*) или **положительная** (*друж-ище, труд-яга*) – передается основой слова и потому при основах, обозначающих вещество, увеличительные суффиксы обычно не используются (ср.: **водища (*водина), *кашища, *молочище, *сахарище, *солища*). Исключение составляет упоминание чего-то неприятного (*вонища, грязища, духотища, пылища, темнотища, теснотища*) или вредного для здоровья (*винище, табачище*), но и здесь, по справедливому замечанию Ю.Д. Апресяна, “сохраняется намёк на какую-то чрезмерность: *Винищем <табачищем> разит <?попахивает>*” [8, с. 146].

Однако с существительными, обозначающими **уникальный предмет**, увеличительные суффиксы иногда используются, чаще всего – юмористами:

Герои / Жрали и дрались

И по радуге боги спускались...

Муза, музища, / Плоской ступней шагала,

Говоря во все горло...

(М. Кузмин. Базилид).

За кормой лунища –

Ну и здорово!

(В. Маяковский. Товарищу Нетте...).

Адище города окна разбили

на крохотные, сосущие светом адки.

(В. Маяковский. Адище города).

4. ОЦЕНОЧНЫЕ СУФФИКСЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В этом разделе статьи, как и в следующем, представляется более предпочтительным совместное со-

поставительное рассмотрение уменьшительных и увеличительных суффиксов.

4.1. Основные суффиксы:

– **уменьшительные: -оват-:** *толст-оват-ый, толст-оват; -оньк- (-еньк-):* *сух-оньк-ий, мокр-еньк-ий, толст-еньк-ий, долг-онек, мокр-енек, толст-енек;*

– **увеличительные: -уц- (-юц-):** *злющий, толст-уц-ий, хитр-юц-ий; -енн- (толст-енн-ый); -аст-, -ат-:* *глаз-аст-ый, груд-аст-ая, морд-ат-ый, пуз-ат-ый.*

4.2. Нередко в употреблении уменьшительно-ласкательных суффиксов проявляется явление, которое А.А. Шахматов связывает с областью **синтаксического словообразования**: “Уменьшительные и ласкательные суффиксы имен могут влиять на форму согласующихся с ними прилагательных, которые принимают соответствующие уменьшительные или ласкательные формы: *маленький кусочек, сыночек, добренькая старушка, уютненькое местечко, беленький платочек, чистенькая рубашечка*” (по: [1, с. 171]). Это явление (не точнее ли был бы термин **словообразовательное согласование**?) наблюдается и в атрибутивных словосочетаниях с другим значением, например, уничижительным (*реденькая борода, паршивенький старикашка, хиленькая избушка*), увеличительным (*высоченный домище, злющая собачища, здоровенный бандюга*).

4.3. Суффикс **-оват-**.

В.В. Виноградов отмечает, что этот суффикс образует прежде всего “слова со значением смягченной, уменьшенной степени качества (‘несколько’, ‘слегка’): *глуховатый* (ср. *глухой*), *горьковатый...*” [1, с. 204]. Следует отметить, что если прилагательные с этим суффиксом содержат оценку, то это всегда **отрицательная** оценка и эти прилагательные не могут быть заменены на антонимы: *глуп-оватый, глуп-оват* (не: **умн-оватый, *умн-оват*), *грязноватый, грязноват* (не: **чистоватый, *чистоват*), *трус-оватый, трус-оват* (не: **смеловатый, *смеловат*).

Особую группу составляют **параметрические прилагательные**.

Ю.Д. Апресян, отмечает, что параметрические прилагательные с суффиксом **-оват-** (*высоковат, длинноват, коротковат, широковат, узковат* и т.д.) имеют (в ослабленном варианте) значение: ‘слишком большой по X-у’ [7, с. 214]. Отсюда неправильность фраз **Пиджак довольно длинноват* и **Пиджак слишком длинноват*: первая содержит противоречие (‘довольно’ – ‘слишком’), вторая тавтологична: смысл ‘слишком’ выражен дважды.

Примечательно, что, в отличие от рассмотренных выше прилагательных, содержащих оценку, параметрические прилагательные образуют пары антонимов: *высоковат* – *низковат*, *длинноват* – *коротковат*, *широковат* – *узковат* и т.д.

4.4. Основное значение других оценочных суффиксов Ю.Д. Апресян определяет следующим образом: *Толстенный X* значит ‘очень толстый X’, *Толстенький X* значит ‘довольно толстый X’ [8, с. 146–147].

Наличие компонента ‘очень’ в прилагательном *толстенный* не вызывает сомнения: ср. недопустимость сочетания *очень толстенный. Сложнее с прилагательным *толстенький*. Наличие в его значении компонента ‘довольно’ не столь очевидно. Показательно, что в отличие от прилагательного *толстенный*, не сочетающегося, как мы видели, со словом *очень*, прилагательное *толстенький* допускает сочетание со словом *довольно*. Об одном ребёнке можно сказать: *довольно толстая девочка* и: *довольно толстенькая девочка*. Эти два высказывания, конечно, различаются по смыслу, но это, в основном, различия *в отношении к ребёнку говорящих*: в первом случае – безразличие, во втором – ласковость. Другими словами: различия между прилагательными *толстый* и *толстенький* находятся в сфере **прагматики**.

4.5. В отличие от существительных, в прилагательных, наречиях и предикативах кроме основного значения гораздо бóльшую роль играет **прагматическая составляющая** – отношение говорящего к общаемому и к своему адресату.

Соотношение основной и прагматической частей значения, удельный вес того и другого, разный, как мы увидим, не только для разных суффиксов, но и для разных групп производящих слов.

4.6. Ю.Д. Апресян подчеркивает, что по параметру прагматики уменьшительные и увеличительные суффиксы русского языка обнаруживают существенную асимметрию: «*Толстенный X* значит ‘очень толстый X, причем говорящий безразличен к толщине X-а и хочет заразить своим безразличием адресата’, между тем как *толстенький X* значит ‘довольно толстый X, мысль о котором вызывает у говорящего положительные эмоции’» [8, с. 146–147].

Анна Вежбицка отмечает, что «некое свободно летящее ‘хорошее чувство’» наличествует даже в прилагательном *плохонький* [11, с. 52–53] и приводит в подтверждение стихи Марины Цветаевой о ребёнке:

Молоденький!

Да родненький!

Да плохонький какой!

4.7. Два замечания по поводу прагматических компонентов, выделенных Ю.Д. Апресяном:

1) Для слова *толстенный* выделен компонент: ‘говорящий безразличен к толщине X-а и хочет заразить своим безразличием адресата’. Безразличие говорящего становится очевидным при сравнении двух фраз, первая из которых нейтральна, не содержит, в отличие от второй, этого компонента значения:

Нам привезли очень толстые доски.

Нам привезли толстенные доски.

Но возникает вопрос: не избыточен ли в толковании прилагательного *толстенный* второй компонент – ‘говорящий хочет заразить своим безразличием адресата’? Говорящий *толстенький* тоже, мне кажется, безразличен к толщине X-а и хочет заразить своим безразличием адресата. Да и вообще: не любая ли оценочная характеристика преследует цель заразить ею адресата?

2) Ю.Д. Апресян пишет, что в наречиях ‘истинный адресат эмоций замаскирован’ (см. об этом ниже, в разд. 5.4). Следует отметить, что в уменьшительных прилагательных адресат положительных эмоций тоже зачастую замаскирован. Во фразе *Труднёнок был путь наших войск до Берлина* наша любовь и сочувствие адресованы не самому пути, а нашим войскам. Поэтому фраза *Труднёнок был путь немцев до Москвы* возможна разве что с иронией или в устах немца. Впрочем, фраза *Труднёнок был путь отступающих французов от Москвы до Березины*, видимо, допустима (благородное сострадание?).

4.8. В разговорной речи и в просторечии встречаются суффиксы *-ёхоньк-*, *-ёшеньк-*: *здоровёхонький* (*здоровёхонек*), *пьянёшенький* (*пьянёшенек*), означающие высшую степень признака. Они характерны для народно-поэтической речи и рассматриваются в разд. 7.

5. ОЦЕНОЧНЫЕ СУФФИКСЫ В НАРЕЧИЯХ И ПРЕДИКАТИВАХ

5.1. Основные уменьшительные суффиксы – те же, что в прилагательных: *-оват-* (*рановато*, *тяжеловато*); *-еньк-* (*-оньк-*): *ранёнько*, *долгёнко*; *-ёхоньк-* (*-ёшеньк-*): *быстрёхонько*, *ранёшенько*. Есть одно весьма существенное отличие наречий и предикативов от прилагательных – отсутствие увеличительных форм (ср.: *веселуще, *ранюще).

5.2. Суффикс *-оват* в предикативах.

При внешнем совпадении предикативы и наречия с суффиксов *-оват-* существенно различаются по значению. Предикатив имеет значение ('слишком X для Y-а'). Например: *Рановато (поздновато) идти в школу* ('слишком рано (слишком поздно) идти в школу'). Наречия с этим суффиксом имеют другое значение, близкое по значению к суффиксам *-еньк-* (*-оньк-*), *-ечк-*: *Рановато он проснулся*. Показательно, что предикатив допускает постановку наречий *еще, уже, пока*, а наречие – нет: *Рановато еще идти в школу*, но не: **Рановато еще (уже) он сегодня проснулся*.

5.3. Суффиксы *-оват-*, *-еньк-* (*-оньк-*), *-ечк-* в наречиях.

В связи с тем, что увеличительные суффиксы употребляются в наречиях разве что юмористами и сатириками (*написано... не глуповато, а глуповатище* (М. Салтыков-Щедрин)), в словах с суффиксами *-оват-*, *-еньк-* (*-оньк-*) различие между уменьшительным и увеличительным значениями, между 'довольно' и 'очень', сглаживается. На фразу *Поздновато он сегодня пришёл* возможны два ответа: *Да, довольно поздно* и: *Да, очень поздно*. Ср. также:

Хорошо было детинушке

Сыпать ласковы слова,

Да трудненько Катеринушке

Парня ждать до Покрова.

(Н. Некрасов. Коробейники) [Можно согласиться: *Да, довольно трудно* и: *Да, очень трудно*].

В зависимости от лексических особенностей и контекста крен делается то в одну, то в другую сторону. Естественно, возникает иногда потребность более определённо указать большую интенсивность признака. Для этого используется дополнительное средство – добавляется еще один суффикс *-ечк-*: *тихо* > *тих-онько* > *тих-он-ечко*.

5.4. Ю.Д. Апресян в высказываниях типа *Иди тихонько* видит замаскированные положительные эмоции, направленные на адресата: "Говоря *Иди тихонько* <*осторожненько*>, мы выражаем любовь и беспокойство, конечно, не по поводу способа осуществления действия, а по поводу деятеля" [8, с.146].

Еще пример. Фраза *Трудненько было инженерам создать этот сейф* правильна, а фраза *Трудненько было медвежатнику вскрыть этот сейф* возможна разве что в ироническом употреблении. Впрочем, ирония – не редкость и в обыденной речи, и в художественной:

А на кладбище так спокойненько,

Ни врагов, ни друзей не видеть.

*Всё культурненько, всё пристойненько –
Исключительная благодать.*

(М. Ножкин. На кладбище).

6. ОЦЕНОЧНЫЕ СУФФИКСЫ
И МНОГОЗНАЧНОСТЬ

6.1. Оценочные суффиксы интересны еще в одном отношении – как одно из резервных средств языка. Известно, что язык вместо создания новых слов для обозначения новых понятий зачастую использует существующие слова. В числе производящих есть и слова с оценочными суффиксами.

Несколько примеров переноса. *Лисичка* (животное) > *лисичка* (гриб); *бородка, язычок* (части тела) > *бородка* (ключи), *язычок* (в двери; на картофельной кожуре); *язычок* (ботинка, замка).

Слова связаны по смыслу, имеет место один из основных способов так наз. семантической деривации – **метафорический перенос**. "Называется предмет (преимущественно неодушевлённый), похожий по внешнему виду (например, по цвету, форме, расположению) или по какой-либо функции на предмет, названный мотивирующим словом" [4, с. 205].

6.2. Коснемся важного аспекта – направление, путь от словообразующей единицы к её производным. Вопрос как будто бы ясен: имеет место *цепочечная полисемия*. Так, в словообразовательных связях слов *голова* и *головка* этот путь выглядит так:

голова ('Верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг') > *головка* (уменьш.-ласк. к *голова*) > другие значения слова **головка**: 1) пищевой продукт в форме шара (*головка чеснока*); 2) округлая часть чего-л. (*головка болта*); 3) соцветие; 4) передняя часть обуви (*головки сапог*) (по: [17]). В [20] добавлен важный и, казалось бы, достаточно очевидный, смысловой компонент значения исходного слова – 'округлость': "Верхняя округлая часть тела человека".

Л.Н. Иорданская не рассматривает в своем словаре эти и другие слова с переносным значением, полагая, что они образуются не от названий частей тела, а от их уменьшительных форм: *ручка* (not *рукá*) двери, *головка* (not *головá*) винта и т.д. [22, р. XII]. То же и в нашем примере: *головка* (не *голова!*) чеснока, лука, цветка; *головки* (не *голови*) сапог.

И всё-таки: не являются ли эти переносные значения производными не промежуточного звена (уменьш.-ласк. *головка*), а непосредственно исходного слова – *голова*, и образованы от него с помощью

суффикса **-к-** (*радиальная полисемия*)? Но какое значение приписать этому суффиксу? И главное даже не это: не только по **звуковому составу**, но и по **смыслу** переносные значения слова *головка* и многих других слов ближе не к лексеме *голова*, а к уменьшительно-ласкательному *головка*: соответствующие предметы невелики по размеру, несут на себе некую “тень уменьшительности”: *головка (чеснока, болта, цветка)*. Даже значение “группа вожаков, главарей” не противоречит этому утверждению: ведь здесь – указание на **небольшую часть** некоего сообщества. *Бородка* (ключа) напоминает не *бороду*, и, тем более, не *бородицу*, а *бородку*; *птичка* (пометка) – не *птицу*, а *птичку*; *ушко* (иголки) – не *ухо*, а *ушко* и т.д.

Уменьшительно-ласкательное *головка* “наследует” у производящего слова *голова* (‘часть тела’) смысловые компоненты (‘округлость’ и ‘верхняя или передняя часть’) и использует их “в своих целях” – как мотивировку образования указанных выше переносных значений.

Однако само значение уменьшительно-ласкательности, выражаемое суффиксом **-к-**, не заимствуется его производными и не входит в толкование этих слов. Тем самым морфологическая структура лексемы *головка* (часть тела) и структура его производных – разная: у производящего слова есть уменьшительно-ласкательный суффикс **-к-**: *головк-а*, у его производных суффикс “втянулся” в основу: *головк-а*.

Исключения составляют немногочисленные случаи, когда есть два синонима, один из которых по звуковому составу совпадает с суффиксальным образованием, а другой – с безсуффиксальным, напр., пары *ёри* – *ёриш* (смесь водки с пивом), *горло* – *горлышко* (верхняя часть сосуда). Следует, видимо, считать, что слово *ёриш* – не производное слова *ёриш* (маленькая рыбка), а **уменьшительно-ласкательная форма** слова *ёри* (смесь водки с пивом). Подобным образом слово *горлышко* – **уменьшительная форма** слова *горло* (верхняя часть сосуда). Действительно, мы скажем: *горло амфоры* и *горлышко бутылки*, но не *горлышко амфоры* и *горло бутылки* (пример заимствован из [20]). В соответствии с этим морфологическое строение этих слов: *ёриш-ик*, *горл-ышк-о*.

Интересно в рассматриваемом отношении слово *корешок* (близкий друг). В словарях оно определяется как уменьшительное к *кореш*. Но где же тогда производящее этого позднего слова – *кореш*? На наш взгляд, мы имеем дело с **обратным словообразованием, усечением**. Возможный словообразовательный путь: *корень* (растение) > уменьш. *корешок* (по

типу: *ремень* – *ремешок*) > переносн. *корешок* (друг). Далее – усечение последнего слова, поскольку оно стало восприниматься как уменьшительное: *корешок* (друг) > *кореш*. Путь, подобный тому, который, как уже отмечалось, прошло заимствованное слово *зонтик* (> *зонтик* > *зонтик*).

6.3. Круг существительных с уменьшительными суффиксами, послуживших базой для переноса, довольно широк. Можно выделить три основных вида переносов: 1) перенос названий частей человеческого тела² на предметы (см. ниже пункт (6.3.1)); 2) перенос названия животных, растений, предметов на человека (6.3.2); 3) и производящее, и производное – названия животных, растений, предметов (6.3.3).

6.3.1. Яркий пример уподобления **предметов телу человека** – названия частей мебели. Кресло подобно человеку по расположению частей: наверху *спинка*, ниже – *ручки*, внизу – *ножки*, которые, как и ноги человека, служат для опоры. Кроме того, части мебели связаны с человеком функционально: *спинка* – опора для спины, *ручки* – для рук.

Нечто подобное – с одеждой. Верхняя часть платья – *шейка*, *плечики*, ниже – *грудь* спереди и *спинка* – сзади. Этот тип различий Ю.Д. Апресяном был признан регулярным: ‘часть тела’ VS. ‘одежда или часть одежды, покрывающая эту часть тела’ [7, с. 190]. Любопытно, что новое значение слова *плечики* послужило, в свою очередь, основой для создания еще двух слов: *плечики* (подкладка под плечевые швы в платье и верхней одежде) и *плечики* (вешалка для платья). Это два случая вторичной, так наз. *цепочечной* полисемии.

Подобные переносы – проявление языкового антропоморфизма. В [17] дается такое определение: “АНТРОПОМОРФИЗМ. Перенесение присущих человеку психических свойств (подчёркнуто нами. – В.С.) на явления природы, животных, растения, предметы; олицетворение”. В “Российском энциклопедическом словаре” (М., 2001) дается следующее определение антропоморфизма: “Уподобление человеку, наделение человеческими свойствами (напр., сознанием) предметов и явлений неживой природы, небесных тел, животных, мифических существ (подчёркнуто нами. – В.С.)”. Это определение представляется предпочтительным: в нем нет ограничения переносимых свойств исключительно **психически-**

² Глубокий анализ русских названий частей тела, включающий семантику, морфологию, синтаксис, а также словообразование (включая оценочные значения) содержится в замечательных трудах Л.Н. Иорданской [21], [22].

ми свойствами. Дело в том, что в нашем случае все, довольно многочисленные, примеры смыслового переноса – следствие не **психического**, а **материального, физического** уподобления человеку. Например: *бровка* (канавы, кювета), *волосок* (в часах, в электрической лампочке), *глазок* (в двери; на картофельной кожуре), *головки* (передняя часть сапог), *ножка* (стула), *носик* (чайника), *ручка* (чайника, чашки, двери), *сердечко* (внутренняя часть устройств), *ушко* (иголки), *язычок* (ботинка, замка).

6.3.2. Обратное явление (**перенос названия животных, растений, предметов на человека**) редко, но тоже встречается: *мышца* (мышка) [24] > *мышца* (орган тела человека); *корешок* (часть растения) > *корешок* (близкий друг, товарищ; кореш); *лопатка* (орудие для копания земли) > *лопатка* (орган тела человека)³; *лопух*, *лопушок* (растение) > *лопушок* (растяпа); *мошна*, *мошонка* (сумка, мешочек денежный [24]) > *мошонка* (кожный мешочек, в котором расположены мужские половые железы); *ягода* (плод) > *ягодицы* (часть тела).

Подобные случаи участились в последнее время. В языке современной молодежи немало случаев переноса названий животных, растений, предметов на человека. Несколько примеров из [25]: *горка* – место сбора, тусовок хиппи; *лопушки* – наушники, *рыжик* – десять рублей, *рычажок* – рука, *хохотальник* – рот. Особенно много новообразований – названий половых органов – мужских: *головка*, *ёршик*, *колбаска*, *крючок*, *ножик*, *рыбка*, *хвостик*, *хохотунчик*, – и женских: *манька* [23]; *дырка*, *мочалка*, *щелка* [25].

6.3.3. Более редки случаи, когда и производящее, и производное – **названия животных, растений, предметов**: *мышка* (уменьш. к *мышь*) > *мышка* (устройство для работы на компьютере); *птичка* (маленькая птица) > *птичка* (паметка); *шляпка* (уменьш. к *шляпа*) > *шляпка* (верхняя часть стержня: *шляпка звезда*).

6.4. Отражение смыслового сходства слов в словарях.

6.4.1. Интуитивно ощущаемое сходство (вплоть до малосущественных внешних признаков) обычно отражается в толковых словарях. Так, в [18] слово *ёршик* определяется следующим образом: “Уменьш.-лask. к *ёрш*: Небольшая пресноводная костистая

рыба сем. окунёвых, с колючими плавниками”. Этот признак ершей послужил базой для образования новых слов: *ершистый* (неуступчивый), *ершиться* (горячиться), а также возникновения новых, переносных значений слов *ёрш*, *ёршик*: 1) Стоящие торчком волосы; 2) Жесткая щетка для мытья бутылок. Интересно, что чисто внешний признак значения исходного слова (*‘колючесть’*) стал в его производных очень важным. В смягчённой форме (забористость?) этот смысловой компонент присутствует и в названии напитка *ёрш*, *ёршик* (“смесь водки с пивом, вызывающая быстрое опьянение” [18]).

Впрочем, не всегда в словарях содержится признак, ставший мотивировкой смыслового переноса.

Так, в словаре [17] основное значение слова *ручка* определяется следующим образом: Уменьш.-лask. к *рука* 1 (“Каждая из двух верхних конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев”).

Нас интересует одно из производных слов – *ручка* 4 (“письменная принадлежность – палочка, в которую вставляется перо, стержень”) [17]. Мотивировки переноса нет, не указана смысловая связь предмета с рукой: ведь, “письменная принадлежность” – это не только ручка, но и чернильница, перо (стальное или гусиное), ластик, бумага, промокашка, пресс-папье. Между тем, связь, несомненно, есть, но она не отражена в толковании. Более правильным было бы толкование типа: “Палочка со вставленным в нее пером или стержнем, которую держат в руке при письме”.

Труднее определить смысловую связь между словом *глазок* (орган зрения) и его производными: *глазок* (на картофельной кожуре), *глазок* (в двери). Их роднит представление о небольшой круглой части предмета, а между человеческим глазом и глазком двери существует и функциональная связь: и то, и другое – средство наблюдения за окружающим. Возможно, это представление нуждается в отражении в толковании слов *глаз*, *глазок* (орган зрения).

6.4.2. Сложнее случаи, когда интуитивно ощущаемая связь между производящим и производным не устанавливается и при уточнении толкования слова. Известно, что основой переноса могут быть не только лексическое значение слова, но и его “ареал”, так наз. **коннотативные признаки**. Ю.Д. Апресян дает следующее определение коннотации: “Коннотациями лексемы мы будем называть не существенные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительно-

³ Направление переноса в этой паре (не от части тела к орудю, как обычно, а наоборот) подсказано мне Л.П. Крысиным. Старое, сохранившееся в говорах, обозначение лопатки (части тела) – *крыльца* (*крыльца болят*) [24]. Только так называли эту часть тела мои родственники – выходцы из деревень Пермской губернии.

сти” [8, с. 159]. Автор отмечает, что они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него, но материализуются, в частности, в производных словах [8, с. 159–163]. В отличие от других, в словаре [20] приводятся эти коннотативные признаки. Так, в толкование лексемы *голова* (часть тела) введена коннотация ‘самое главное’. *Хлеб – всему голова*. Этого компонента смысла нет в [17], а ведь именно он – основа для образования приводимого этом словаре значения *головка* (‘группа вожаков, главарей’. *Казачьи офицеры, вся руководящая головка...*) [17].

Коннотация ‘самое главное’ должна быть введена также и в толкование рассмотренного выше слова *корень*. Именно представление об особой важности, жизненной необходимости корня для растения – смысловая основа для образования выражений *коренные изменения, зри в корень*, а также слова *коренник* (‘главная’ лошадь в тройке) и рассмотренных выше слов *кореш, корешок* (близкий друг).

6.4.3. Если признаком полисемии, многозначности считать наличие общего компонента в толковании или в коннотации слов, то круг слов с оценочными суффиксами, традиционно квалифицируемых как омонимы, существенно сужается: некоторые из них, в том числе рассмотренное выше слово *корешок* (близкий друг), должны быть ‘разжалованы’ в многозначные. Так, в [18] выделяются 4 омонимичных слова **бычок**:

1.1. Уменьш.-ласк. к *бык 1* – молодой бык.

1.2. *Перен. Разг.* О молодом упрямом человеке.

2. Рыба отряда окунеобразных.

3. *Прост.* Остаток выкуренной папиросы, сигареты и т.п.; окурок.

4. В проф. речи – промежуточная опора мостов и водосливных сооружений.

Очевидно, что возникновение лексемы 1.2 (О молодом упрямом человеке) связано с представлением говорящих о глупом упрямстве молодых бычков (ср. выражение *Упёрся, как бык*), а лексемы 4 (опора мостов) – о тяжеловесности. Налицо метафорический перенос свойств животного на человека или на сооружение. Правильным было бы, на наш взгляд, введение в лексему *бык 1* (‘Домашнее рогатое животное’) **коннотации** ‘тяжеловесность’, а в лексему *бычок 1.1* (молодой бык) – ‘упрямство’, мотивирующие лексемы 1.2 и 4.

Труднее уловить хоть в чем-то переключку между *бычком 1.1* (молодой бык) и *бычком 3* (окурок). Может быть, их роднит представление о **неполноценности**, непригодности для нормального, полно-

ценного действия (курения, тяги), и тогда компонент ‘неполноценность’, введенный в виде коннотации в толкование лексемы *бычок 1.1* (молодой бык), послужил бы основанием видеть здесь не омонимию, а многозначность. Думаю, это предположение всё-таки слишком натянуто и мы должны признать лексему *бычок 3* омонимом.

Еще увереннее можно говорить об омонимии по отношению к лексеме *бычок 2* (рыба). Здесь трудно уловить хоть какое-то смысловую связь – разве что принадлежность обоих к классу животных. (Любопытно, что для создания видимости сходства на юмористическом рисунке в Интернете бычку – рыбе пририсованы рога.)

Итак, лексемы *бычок 1.1, 1.2, 4* можно определять как многозначные, а лексема *бычок 3* (рыба) и *бычок 2* (окурок) – омонимы слова *бычок* (молодой бык). Однако им далеко до ‘классических 100-процентных’ омонимов *брак* (супружество) и *брак* (изьян), в значении которых не только нет ничего общего, а наблюдается, скорее, противоположность (ее заметили и обыграли вездесущие юмористы: *Что сказать о браках? – Хорошую вещь браком не назовут*). Что касается наших омонимов, то здесь, как мы видели, можно, пусть с натяжкой, найти что-то общее. Паре (*молодой бык – окурок*) я дал бы шутовскую оценку – 80% омонимичности, а паре (*молодой бык – рыба*) – 90%.

6.4.4. Приведенные примеры подтверждают мнение, что ‘многозначность и омонимия оказываются понятиями относительными’ [7, с. 185] и границы между ними определяются разными исследователями, в том числе составителями словарей, по-разному.

Рассмотрев существующие попытки отыскать объективные критерии омонимии, Ю.Д. Апресян отмечает, что все они недостаточно эффективны: есть слова, которые не удовлетворяют этим критериям, но ощущаются, тем не менее, как омонимы [7, с. 183–185]. Не следует ли из этого, что решающим критерием отнесения слова в разряд омонимов или многозначных слов оказывается **лингвистическая интуиция исследователя**? И это вполне естественно. «С весьма распространенной боязнью, что при таком методе (методе ‘самонаблюдения’. – В. С.) будет исследоваться ‘индивидуальная речевая система’, а не языковая система, надо покончить раз навсегда. Ведь индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а потому исследование первой для познания второй вполне закононо» [26, с. 34].

6.4.5. Рассмотрим теперь интересные случаи, когда слова совпадают по звучанию, но смысловая связь между ними неясна и ускользает от формализации.

Лопушок. В словаре [10] приводятся два, казалось бы, совершенно несвязанные значения слова **лопушок**: 1. растение, 2. растяпа, дурачок. Можно предположить, что второе значение – результат *вторичного* переноса, что есть промежуточное звено – слово *ухо* в его основном значении (часть тела). На эту мысль наводит использование в морском жаргоне слова *лопух* для обозначения уха:

[Капитан – боцману, который ударился “репкой” (головой)]: “Чего с репкой? – спросил я. – Держишься за нее”. – “Кто сказал? – радостно загоготал боцманюга. – Я не репкой, я лопухом треснулся!” Он показал на ухо. Оно немного распухло (В. Конецкий. Последний раз в Антверпене).

Связь представлений о лопухе и ухе отразилась и в новообразовании *лопушки* (наушники) [25].

Вспоминается также фразама *развесить уши* (проявить излишнюю доверчивость): *А он, дурачок, и уши развесил.* Ср. также обыгрывание библейского выражения *Имеющий уши да слышит: Имеющий уши да развесит.*

Вряд ли, однако, из этого следует, что в значение слов *ухо*, *ушко*, а тем более, в значение слов *лопух*, *лопушок* (растение), требуется ввести коннотацию ‘простоватость’. Видимо, мы имеем здесь дело со стопроцентной омонимией.

6.4.6. В заключение раздела приведём два примера шуточного переноса.

“Посошок. 1. Уменьш. к **посох** (“Длинная палка, трость для опоры при ходьбе”);

2. Разг. Последняя рюмка водки, вина, выпиваемая перед уходом” [17].

Основа переноса – шуточное представление, что еще одна рюмка, подобно посоху, поможет в пути. (В действительности, как известно, это может иметь дурные последствия.)

Сачок (уменьш. от *сак* – мешок, сумка): “Конусообразный сетчатый мешок... с длинной рукояткой, служащий для ловли рыб, насекомых, птиц” [17]. От этого слова образовано слово **сачок** (лентяй) и, в последнее время, в студенческом жаргоне, еще одно – “место времяпровождения студентов” [23].

Смысловая связь двух производных значений понятна – ‘безделье’, но непонятно, как они связаны с исходным значением – “сетчатый мешок для ловли рыб, насекомых, птиц”. Завеса приподнимается, когда вспомним, что первоначально в русском и дру-

гих славянских языках *сак*, *сачок* – это **рыболовная снасть** [23]. “**Сачекъ** – обруч с сеткой ... для подхватывания рыбы, попавшейся на крючок” (Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1900). По собственному опыту знаю, что на рыбалке необходимость в сачке возникала крайне редко, и этот лентяй днями валялся на дне лодки. Можно предположить, что все три слова связывает шуточное представление о бесполезности, бездействии. Однако, введение коннотации ‘бездействие’ в слово *сачок* в его **современном** значении (“сетчатый мешок ... служащий для ловли рыб, **насекомых**, птиц”) вряд ли оправдано. Возможно, впрочем, разделение слова на два значения.

7. ОЦЕНОЧНЫЕ СУФФИКСЫ В НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

7.1. Позволим себе шуточную иллюстрацию различий между литературным языком и народно-поэтической речью. Вот как, совсем по-разному, описали бы они эпизод из жизни одного молодого человека.

Рано утром (*Раным-ранёшенько*) Вася (*разудальей добрый молодец по прозванию Васюточка*) проснулся не в духе (*встал грустнёшенек. Извела его зла кручинушка*). Чертыхнулся (*Опустил буйную головушку*). Несмотря на плохую погоду (*Разыгралась непогодушка*), быстро (*скорёхонько*) отправился по просёлочной дороге (*пустился в путь-дороженьку по полюшку – полю чистому*) к девичье-соседке (*к раскрасавице – душе-дэвице*) и т.д.

Остановимся на этом стиле русского языка, поскольку оценочные суффиксы в народно-поэтической речи характеризуются целым рядом любопытнейших особенностей в значении и употреблении.

7.2. В словарях приводится большое число слов, характерных для этого стиля русской речи (*кручинушка*, *неволюшка*, *реченька* и т.д.), упоминаются они и в грамматиках, но мимоходом, без тщательного рассмотрения. В.В. Лопатин приводит слова с суффиксом *-еньк(а)/-оньк(а)*, *-ушк-* (*-юшк-*), *-ушек-* (*-юшек-*): *Серёженька*, *рученька*, *берёзонька*, *дороженька*, *ноченька*, *смертонька*; *солонушка*, *полюшко*, *смёртушка*, и определяет их значение как **ласкательное** [3, с. 135–136]. Между тем по значению они существенно различаются между собой (ср. *рученька* и *смертонька*; *полюшко* и *кручинушка*!).

7.3. Для слов с этими суффиксами В.В. Лопатин даёт жанровую характеристику: “Тип продуктивен в разговорной речи и широко используется в фолькло-

ре” [3, с. 135]. Другие авторы замечают, что этот тип (его именуют *народно-поэтическим*) имеет более широкую сферу употребления, хотя он, действительно, характерен в первую очередь для фольклора:

*Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Ён скорешенько-то стал да на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Да он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил он со столовыи со горенки.*

(Былина “Илья Муромец и голи кабацкие”).

Солдатушки, бравы ребятушки,

Где же ваши жёны?

Наши жёны – ружья заряжены,

Вот где наши жёны.

(Солдатская песня).

Это также основной стилистический приём плакальщиц, даже современных.

Милая моя матушка! Взяла тебя сыра земёлюшка!..

Вересаев приводит случай, когда плакальщица, увидев, что на лицо покойницы села муха, тотчас симпровизировала:

Вот и мушенька тебе на личенько села,

Не можешь ты мушеньку отогнати!

(В. Вересаев. Гоголь в жизни).

Уменьшительные суффиксы нередки в художественной литературе при стилизации народной речи:

Вот идёт солдат. Под мышкою

*Детский гроб несёт, **детинушка**.*

На глаза его суровые

*Слёзы выжала **кручинушка**.*

(Н. Некрасов. Гробок).

*Алёнушка таращила заспанные **глазыньки**: уж не **медведюшка** ли бросился съест её?* (А. Ремизов. Посолонь); *Соломушка-старинушка, Хорошо с тобой* (В. Боков).

Слова этой группы возможны и в поэзии⁴: *Сегодня **рученьки** разжал. Мой милый, что тебе я сделала?* (Анна Ахматова). Даже в стихах для детей они употребляются, не всегда удачно. Корней Чуковский отмечает у детского писателя Натана Венгрова “влечение ко всяким сусально-комаринским, ухарским, псевдонародным словам:

– *Ох, ты горе-горюшко!* – *Скучно коту, тошнехонько!* *Прямо нету моченьки!*

– и даже такие неестественные слова, как “густосенький” [12, с. 300].

7.4. Использование народно-поэтического стиля при описании реалий современной жизни, подделка

под былинный стиль производят комический эффект: *“Тут из чиста **полюшка** вышла ему [собирателю трав] навстречу красна девица, **Нюра-экологинюшка**”* [2], однако этот стиль используется и в бытовой речи, в просторечиях. Вряд ли уменьшительность и ласкательность, привносимая суффиксом -к-, уместны в устах уставшей женщины, вряд ли она скажет *“Ох, устали мои **ручки**, болят мои **ножки!**”*, но вполне допустима фраза: *Ох, устали мои **рученьки**, болят мои **ноженьки!*** Здесь нет уменьшительности, нет, пожалуй, и ласкательности – есть жалость к себе и желание вызвать сочувствие окружающих.

Лев Толстой во время тяжелой болезни вначале 1902-го прочитал врачу Л.Б. Бертенсону стихи из русской песни:

Зачал он, старинушка, покряхтывать,

Зачал он, старинушка, покашливать,

Время старинушке под холстинушку,

Под холстинушку время, да и во могилушку,

– и добавил: *“Врачи не должны мешать умирать... Мне довольно жить, и не нужно”* (Н.Н. Апостолов. Живой Толстой).

7.5. Среди слов с уменьшительными суффиксами в народно-поэтической речи больше всего – существительных, образуемых с помощью тех же суффиксов, что и слова литературного языка: -еньк-, -оньк-ушк- (-юшк-), -ечк- (-ичк-).

Круг слов с этими суффиксами довольно широк: **люди и части человеческого тела** (*детинушка, старинушка, глазыньки*); **животные и растения** (*заинька, медведюшка, берёзынька*); **природные явления, психические состояния** (*дороженька, морюшко, думушка, весельице*), **предметы**: *сабелька, седёлушко, расстаньюшко* (развилка).

7.6. Зачастую эти слова обозначают нечто неподвластное человеку и крайне нежелательное (*горюшко, гробинушка, неволюшка*).

Анна Вежбицка отмечает, что понятия типа *волюшка, горюшко, смертушка* имеют ясное экзистенциальное содержание и отражают важную черту русской народной философии, которая считает, что “человек заслуживает жалости, и поощряет смирение и сострадание” [11, с. 130]. Вежбицка подчеркивает, что здесь используется исключительно суффикс -ушк- и никогда не используются суффиксы -еньк-, -очк- (-ечк-, -ичк-). Это не совсем так: эти суффиксы используются иногда в народно-поэтической речи даже и при описании чего-то неотвратимого, нежелательного (*волченька, разбойнички, смертонька* и др.).

7.7. Кроме жалости, смирения, сострадания в народно-поэтической речи достаточно ярко проявляет-

⁴ Об использовании кратких прилагательных в функции определений в русской поэзии см. фундаментальное исследование А.С. Кулевой [27].

ся в некоторых случаях заискивание перед судьбой, перед могучими силами, неподвластными человеку, попытка задобрить их:

Не слепи мне глазыньки, злая бурюшка.

Напали на него злы разбойнички.

Всё болит, устала я.

Прибери меня, смертынька.

Вспомним также мольбу крестьянки в народной песне:

Ты, медведюшка-батюшка,

Ты не ешь мою коровушку,

Ты не ешь мою коровушку,

не губи мою головушку.

7.8. Заметное место в народно-поэтической речи занимают **прилагательные**. Кроме слов с суффиксами *-еньк-*, *-оньк-* (*востренький*, *глубоконький*, *родненький* и др.), много слов с суффиксами *-ёхоньк-*, *-ёшеньк-*, которые являются специфическими для народно-поэтической речи: *здоровёхонький* (*здоровёшенький*), *ровнёхонький* (*ровнёшенький*). Мы не видим существенного смыслового различия между словами с суффиксом *-ёхоньк-* и словами с суффиксом *-ёшеньк-*. И те, и другие указывают на высшую степень признака: *веселёхонький* (*веселёшенький*) значит: ‘очень весёлый’, и существенно отличаются от слов с суффиксами *-еньк-*, *-оньк-*, имеющих значение ‘довольно’: *веселенький* = ‘довольно весёлый’.

Основы слов с суффиксами *-ёхоньк-*, *-ёшеньк-* обозначают, за редкими исключениями (*больнёшенький*, *старёхонький*, *худёхонький* [10]), положительные качества и обычно не допускают антонимов: *веселёшенький* (не: **грустнёшенький*), *сытёхонький* (не: **голоднёхонький*), *умнёхонький* (не: **глупёхонький*). Любопытно, что в словах с суффиксами *-еньк-*, *-оньк-* подобные антонимичные пары – вещь обычная: *веселенький* – *грустненький*; *сытенький* – *голодненький*; *умненький* – *глупенький*.

7.9. **Краткие прилагательные и наречия** с суффиксами *-ёхонек*, *-ёшенек* редки. В словаре [10] – 4 прилагательных (*радёхонек*, *радёшенек*, *одинёхонек*, *одинёшенек*) и 4 наречия (*ровнёхонько*, *ровнёшенько*, *точнёхонько*, *точнёшенько*). Разумеется, много и других: *пьянёхонек* (*пьянёшенек*); *тошнёхонько*;

Я остался от батюшки малёшенек,

Малёшенек остался и зеленёшенек.

(Былина “Бой Василия Буслаева с новгородцами”);

Ай говорил Илья да таковы слова:

– А накормил бы вас да сытёшенько,

А напоил бы вас да пьянёшенько

(Былина “Исцеление Ильи Муромца”);

Воротился сын больнёхонек

(Н. Некрасов. Орина, мать солдатская);

И опять я молодёшенька была

(Песня);

Мартышка, в зеркале увидя образ свой,

Тихохонько медведя толк ногой

(И. Крылов. Зеркало и обезьяна);

– Ты стань-ка, добрый мóлодец,

Против меня прямёхонько,

(Н. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

Краткие прилагательные и наречия с суффиксами *-ёхоньк-*, *-ёшеньк-* указывают на высшую степень признака: (*больнёхонек*, *больнёшенек*) значит: ‘очень большой’; *позднёхонько* (*позднёшенько*) значит: ‘очень поздно’.

7.10. Мы не раз говорили об одном нарушителе правил употребления оценочных суффиксов – о юморе, языковой игре. Народно-поэтическая речь – вторая нарушитель, который иногда преступает те же запреты, что и создатели комического.

Если язык, даже разговорный, побаивается “сюсюканья”, то в народно-поэтической речи уменьшительно-ласкательные формы – основной структурный элемент (Это мы пытались показать в шутильной сценке в начале данного раздела.) Уменьшительно-ласкательные формы нередко даже при описании чего-то крайне нежелательного (*горюшко*, *неволюшка*, *разбойнички*, *смертынька* и т.д.).

Есть и другие “нарушения”. Укажем два:

1) Литературная речь избегает уменьшительных суффиксов при обозначении географических названий, абстрактных понятий, психических состояний, действий. В народно-поэтической речи это не редкость:

А у меня нету в ногах ни хожденьница,

А во руках у меня нету ли владеньница

(Былина “Исцеление Ильи Муромца”);

Он как стал-то эту силушку великую,

Стал конём топтать да стал копьём колоть

(Былина “Илья Муромец и Соловей разбойник”);

Ты Париж ли, Парижок,

Париж славный городок!

(“Исторические песни о войне 1812 года”).

2) Народно-поэтическая речь смело нарушает ограничения на обозначение должностных лиц, профессий, рода занятий:

Начинает князь Кутузов его спрашивать:

“Ты скажи, скажи, майорик, суцую правду...”

*Француз с армией валит,
Генералушкам грозит:*

(“Исторические песни о войне 1812 года”)

Необходимо, однако, подчеркнуть, что **цели** этих и некоторых других “нарушений”, отступлений от норм литературного языка у языковой игры и народно-поэтической речи – совершенно разные. Если шутка ставит своей целью развлечь, подтрунить, осмеять, то народно-поэтическая речь, в полном соответствии со своим названием, поэтизирует изображаемое, вызывает сильные, обычно положительные эмоции. Ср. два текста. В обоих нарушается вышеупомянутое ограничение на употребление оценочных суффиксов при именах должностных лиц:

1) *Ой ты, писарь, писарёк,
Золотой твой разумок!
Ты пиши указ, пиши,
Да печати приложи,
Чтоб царинушка потом
Не заперся бы во всем*

– сатирик (С. Басов-Верхоянцев. “Конек-скакунок”) издевается не только над царской канцелярией, но и над самим царём.

2) *Как и тут наш атаманушка
Ездит по армянушке*

(“Исторические песни о войне 1812 года”)

– прославление казачьего атамана Платова.

Цель сатиры, юмора – развенчать или потешать, цель народной поэзии – увенчать или утешать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике // Избранные труды. М., 1975.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
3. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
4. Русская грамматика. М., 1980.
5. Лопатин В.В., Улукханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды, т. I. М., 1995.
8. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды, т. II. М., 1995.
9. Грамматика русского языка. М., 1960.
10. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 2003.
11. Вежибицкая Анна. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
12. Чуковский К. От двух до пяти. М.-Л., 1937.
13. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; изд. 2-е, М., 2002.
14. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
15. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
16. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
17. Словарь русского языка, под ред. А.П. Евгеньевой. Т. I–IV. М., 1981–1984.
18. Словарь современного русского литературного языка, т. I–VI (А–З). М., 1991–1994.
19. Толковый словарь русской разговорной речи, под ред. Л.П. Крысина. Вып. 1 (А–И), М., 2014.
20. Активный словарь русского языка, т. 1–3 (А–З). М., 2014.
21. Иорданская Л.Н. Лингвистика частей тела // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. М., 2004, с. 397–406.
22. Iordanskaja Lidija, Paperno Slava. A Russian-English collocational dictionary of the human body. Slavica Publishers, Inc. 1996.
23. Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга. М., 1997.
24. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1978–1980.
25. Никитина Т.Г. Молодёжный сленг. Толковый словарь. М., 2003.
26. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
27. Кулева А.С. История усеченных прилагательных в языке русской поэзии. М., 2017.
28. Wierzbicka Anna. Dociekania semantyczne. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1969.

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. Studies in Russian Grammar. *Selected Works*. Moscow, 1975. (In Russ.)
2. Zemskaja, E.A. Word-Building as an Activity. Moscow, 1992. (In Russ.)
3. Grammar of Contemporary Russian Language. Moscow, 1970. (In Russ.)
4. Russian Grammar. Moscow, 1980. (In Russ.)
5. Lopatin, V.V., Uluxanov, I.S. Dictionary of Word-Building Affixes in Contemporary Russian Language. Moscow, 1980. (In Russ.)

6. Arutyunova, N.D. Language and the Word of Human. Moscow, 1980. (In Russ.)
7. Apresjan, Ju.D. Lexical Semantics. Synonymic Means of Language. *Selected Works, Vol. 1.* Moscow, 1995. (In Russ.)
8. Apresjan, Ju.D. Integral Description of a Language and Systematic Lexicography. *Selected Works, Vol. 2.* Moscow, 1995. (In Russ.)
9. Russian Language Grammar. Moscow, 1960. (In Russ.)
10. Zaliznjak, A.A. Grammatical Dictionary of Russian Language. Moscow, 2003. (In Russ.)
11. Wierzbicka Anna. Language, Culture, and Cognition. Moscow, 1996. (In Russ.)
12. Chukovskij, K. From Two to Five. Moscow-Leningrad, 1937. (In Russ.)
13. Sannikov, V.Z. Russian Language in the Mirror of Language Game. 1st edition: Moscow, 1999; 2nd edition, Moscow, 2002. (In Russ.)
14. Krysin L.P. Socio-Linguistic Aspects of Contemporary Russian Language Studies. Moscow, 1989. (In Russ.)
15. Krysin L.P. Russian Word, Insiders and Outsiders. Studies in Contemporary Russian Language and Sociolinguistics. Moscow, 2004. (In Russ.)
16. Lixachev, D.S. Poetics of Old Russian Literature. Moscow, 1979. (In Russ.)
17. Russian Dictionary. Moscow, 1981–1984. (In Russ.)
18. Dictionary of the Contemporary Russian Literature Language. Moscow, 1991–1994. (In Russ.)
19. Explanatory Dictionary of the Russian Collocational Speech. Moscow, 2014. Issue I. (In Russ.)
20. Active Dictionary of the Russian Language. Moscow, 2014. (In Russ.)
21. Iordanskaja, L.N. Linguistics of the Parts of the Body. *Semiotics. Linguistics. Poetics. To the Hundredth Anniversary of the Birth of Alexander A. Reformatsky.* Moscow, 2004. Pp. 397–406. (In Russ.)
22. Iordanskaja Lidija, Paperno Slava. A Russian-English collocational dictionary of the human body. Slavica Publishers, Inc. 1996.
23. Yuganov I., Yuganova, F. Dictionary of Russian Slang. Moscow, 2003. (In Russ.)
24. Dal', Vladimir. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Moscow, 1978-1980. (In Russ.)
25. Nikitina, N.G. Youth Slang. Explanatory Dictionary. Moscow, 2003. (In Russ.)
26. Shcherba, L.V. Language System and Language Activity. Leningrad, 1974. (In Russ.)
27. Kuleva, A.S. History of Clipped Adjectives in the Russian Poetry Language. Moscow, 2017. (In Russ.)
28. Wierzbicka Anna. Dociekania semantyczne. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1969.